

# Афганская идентичность: перспективы дефрагментации

*Конаровский, М.А. Афганистан на рубеже веков:  
новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.*

*Конаровский, М. А. Дорога в семь тысяч дней.*

*М.: «Арктика 4Д», 2014. 460 с.*

**Князев Александр Алексеевич**, ИМИ МГИМО, Москва, Россия

**Контактный адрес:** [a.knyazev@inno.mgimo.ru](mailto:a.knyazev@inno.mgimo.ru)

Научная значимость мемуарного жанра вряд ли подлежит сомнению: воспоминания участников событий уже давно утвердились в качестве одного из важнейших документально-исторических источников. А применительно к событиям относительно недавним и являющимся актуальными для понимания современных политических процессов, знакомство с литературой такого рода можно считать обязательным, такие книги – неотъемлемая часть знания, стремящегося к научности, не говоря уже об объективности. Вряд ли можно отрицать и актуальность процессов, происходящих в Афганистане, хотя бы для полноценного понимания происходящего в сфере национальной безопасности России и стран, относящихся к сфере жизненных российских интересов.

Афганская тема, применительно ко времени конца XX – начала XXI в., в отечественной (и не только) мемуарной литературе отражена достаточно широко, однако рассматриваемые монографии М.А. Конаровского<sup>1</sup> выходят далеко за пределы мемуарного жанра. Помимо авторских воспоминаний, элементов путевых заметок, его книги содержат в себе и значительный компонент рассуждений, относящихся к аналитической работе, налицо связь ретроспективных констатаций с размышлениями автора, направленными на понимание перспектив развития процессов в Афганистане. В этом пространстве М.А. Конаровский обращает внимание и на такой важный фактор развития страны, как состояние социальной идентичности, зачастую оказывающий решающее влияние на политические

<sup>1</sup> В этот список может быть также включена еще одна публикация: *Конаровский, М.А. Страна гор и легенд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. В издательстве «МГИМО-Университет» готовится к публикации второе издание, исправленное и дополненное, книги «Дорога в семь тысяч дней».*

процессы, в свою очередь, находясь под их воздействием. То обстоятельство, что данный вопрос М.А. Конаровский затрагивает в своих книгах, пусть и не используя саму дефиницию, дает основания полагать, что тематика афганской идентичности ему не чужда.

Число публикаций в подобном эклектичном мемуарно-историческом и аналитическом жанре с акцентированием вопросов идентичности в литературе невелико. Не ставя перед собой задачу полноценного историографического обзора, можно отметить, что массив отечественной литературы об Афганистане последних примерно 50 лет от авторов, не понаслышке знающих эту страну, довольно велик. Заметное место среди них занимают военные, находившиеся в составе объединенного контингента советских войск или несшие иную службу в Афганистане в 1979–1989 гг., чьи информационно насыщенные описания событий очень важны как исторический источник<sup>1</sup>. Констатируя неоднородность и внутреннюю противоречивость афганского общества, они в большинстве случаев не подвергают ее какому-либо анализу, имея иное целеполагание. Среди военных авторов можно выделить, пожалуй, М.А. Гареева<sup>2</sup>, который если и не рассматривает социальную структуру всего общества, то в своих описательных контекстах дает множество подробных картин разрозненности афганской элиты 1980-х – начала 1990-х годов.

Из работ других авторов, имеющих большую «афганскую» биографию, – востоковедов – следует отметить труды известных ученых М.Ф. Слинкина<sup>3</sup>, В.Н. Пластуна<sup>4</sup>, уделяющих заметное внимание состоянию элиты афганского общества, а также разнообразных его групп. В этой связи необходимо указать на важное достоинство книг М.А. Конаровского, обусловленное, вероятно, характером его работы в Афганистане, не ограничивавшейся столицей. География его наблюдений чрезвычайно широка: помимо Кабула, автор вовлекает читателя в провинциальные жизнеописания различных эпох – от королевского Афганистана и первой республики М. Дауда до правления НДПА и времени американской оккупации 2001–2021 гг.

Высочайшая фрагментация афганского общества, диктующая ему центробежные тенденции, является одной из базовых причин того перманентно нестабильного состояния страны, в котором она находится в последние полвека. Нестабильность, в свою очередь, создает условия для формирования на территории Афганистана комплекса угроз, выходящих далеко за его пределы: производство и распространение наркотических веществ, организация экстремистских и террористических структур, массовые миграции.

Понимаемая как тождественность группы самой себе и как совокупность характерных особенностей, интегрирующее свойство группы, идентичность афганского общества в широком временном разрезе в малой степени претерпела критически важные трансформации. До настоящего времени она в целом отражает ту фундаментальную структуру социума, которая сложилась к самому концу

1 Среди широко известных: Громов 1994; Ляховский 2004; Спольников 1990.

2 Гареев 1996; Гареев 1999.

3 Слинкин 2019.

4 Пластун 2016.

XIX в., когда утвердились существующие границы Афганистана. Процесс формирования афганской государственности в территориальном плане, начатый подчинением и экспроприацией пуштунами земель таджикского населения Афганистана, был завершён завоеванием пуштунами преимущественно шиитского Хазараджата к 1893 г. и т.н. Кафиристана – нынешней провинции Нуристан — к 1896 г. Дополнительную напряженность в Нуристане создавало то обстоятельство, что население региона к моменту завоевания пуштунами не исповедовало ислам, который внедрялся уже в XX в. насильственно. Непростой была и колонизация северных узбекских ханств левобережья Амударьи, или «Чор Вилаята» («четыре области»).

Присоединение непуштунских территорий вело к тому, что постепенно в сложном комплексе внутриафганских противоречий все более и более важное значение приобретал этнический фактор. Его роль в процессах общегражданской консолидации только усугублялась массовыми внутренними миграциями в последней четверти XIX – начале XX в.: интенсивным переселением пуштунских племен в северную и центральную части страны и волнообразными перемещениями непуштунского населения на юг.

Фрагментация афганского общества по этническому признаку всегда находилась в поле зрения российских (и советских) востоковедов-афганистов. Следует вспомнить прежде всего работы И.Е. Каткова<sup>1</sup> и В.В. Басова,<sup>2</sup> благодаря которым этнополитические аспекты в отечественной афганистике изучены достаточно хорошо. Даже при том что динамика изменений в этнической структуре населения Афганистана на протяжении примерно полутора веков была и остается достаточно высока. Важным итогом периода басмаческого движения и среднеазиатской эмиграции в Афганистан стало, например, то обстоятельство, что к 1930-м гг. численность непуштунских этносов значительно выросла, возникла потребность в адекватном юридическом закреплении произошедших изменений этнополитического баланса. Однако политическая система феодального по своей сути государства подобную возможность исключала, шло дальнейшее накопление противоречий.

Этнический фактор занимает едва ли не главное место в самоидентификации всех без исключения представителей афганского общества. Для понимания состояния сферы межэтнических отношений в Афганистане представляется необходимым сделать и следующий экскурс. В сочинениях главы младоафганского движения Махмуда Тарзи последовательно проводилась мысль о том, что понятие «афганская нация» должно включать в себя все народы и народности, населяющие Афганистан. Идея единства, проповедовавшаяся М. Тарзи, во многом основывалась на учении Джамалутдина аль-Афгани – известного идеолога панисламизма. В свое время Афгани особо подчеркивал, что «только на основе союза и единства афганский народ поднял знамя независимости». Идея единства афганского народа базируется на идее единства всех исламских народов, являвшейся центральной в мировоззрении аль-Афгани<sup>3</sup>.

1 Катков 1989.

2 Басов 2011.

3 Подробнее см.: Имомов 1983.

Таким образом, на первый план выводился конфессиональный фактор, что естественно, поскольку в исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной. Абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении всей истории ислама позволяла оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах государств. Примат конфессионального над этническим предполагал и примат государственного. Эти установки были положены в основу национальной политики кабульских эмиров, согласно которой афганская нация должна быть единой и включать в себя все народы и племена, населяющие Афганистан. На протяжении всего XX в. каких-то концептуальных изменений во взглядах кабульской правящей – пуштунской – элиты на национальный вопрос не происходило, де-факто пуштунизация усиливалась, государственное все более превалировало над этническим, исключалась сама постановка вопроса о предоставлении какой-либо формы автономии для любого из непуштунских народов. Такой вариант решения национального вопроса – объединение всех народов и народностей на базе исторически сложившейся государственности под флагом унитарного Афганистана – был и остается источником напряженности в стране. Засилье пуштунов в высших эшелонах власти, пуштунская колонизация афганского Туркестана, подавление хазарейского восстания 1890-х гг., восстания узбеков под руководством Мохаммада Исхак-хана в 1888 г., насильственное обращение нуристанских племен в ислам – все это поддерживало перманентное состояние антипуштунских настроений среди национальных меньшинств Афганистана и толкало их на путь сепаратизма и восстаний в конце XIX в. и на протяжении XX века. И это было естественным отражением характерной для афганского общества неспособности к унитаризму.

В то же время этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX–XX вв., обеспечивался применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции. Это создавало условия для постепенного, чрезвычайно медленного, но все-таки преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе утверждения афганского национального государства. Однако реформистские начинания эмира Амануллы-хана в 1920-х гг., как и модернизационные устремления президента М. Дауда в 1970-х гг., натолкнулись на контрреакции – правого консервативного крыла афганского политического класса в первом случае и левого, представленного НДПА, – во втором. Саурская / апрельская революция 1978 г. открыла новый этап модернизации страны, также потерпевший неудачу, несмотря на колоссальные ресурсные затраты СССР.

Среди вопросов, связанных с объяснением феномена талибов, учитывая их преимущественно сельское происхождение, актуален вопрос о роли в этом процессе традиционной городской пуштунской элиты. Она оказалась неспособной консолидировать пуштунское большинство. Афганистан к началу 1990-х гг. представлял собой зону диффузии двух цивилизационных типов – традиционного и раннемодернистского. Резкое внедрение новых идеологических и политических компонентов подрывало основу традиционного устройства Афганистана. Влияние советской доктрины интернационализма в 1980-х гг. дало импульс процессу

консолидации этнических меньшинств. Одновременно начали оформляться и прообразы политических структур и движений, объединенных по признакам этничности и, в отдельных случаях, конфессиональной принадлежности (хазарейцы-шииты и исмаилиты), территориальной общности, ориентации на определенного лидера и на определенную внешнюю силу, противостояния той или иной угрозе.

Процесс разложения традиционного общественного строя, появление новых форм групповой идентификации и спровоцировали реакцию, воплощением которой стал «Талибан<sup>1</sup>». Пуштунские племена всегда имели высокую степень автономности от правительства в Кабуле. Многолетняя война и политические эксперименты 1970–1980-х гг. к 1990-м гг. серьезно ослабили взаимную зависимость пуштунских племен и государства, а разрушение институтов государства в 1992–1994 гг. сделало самостоятельность пуштунских племен и местных полевых командиров почти абсолютной. Отсутствие централизованных государственных институтов способствовало ослаблению традиционной общенациональной пуштунской элиты, которая утратила существенное влияние на основную массу пуштунских племен. А с этнополитической точки зрения движение талибов очевидно представляет собой реакцию пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на политический вызов со стороны этнических меньшинств.

М.А. Конаровский уже применительно к 2000-м гг. в своих книгах многократно обращает внимание на «застарелые афганские проблемы – прежде всего, трайбализм и этнорегиональную разобщенность. Слабой центральной власти бросали открытый вызов и местные авторитеты, стремившиеся к закреплению влияния как на пуштунском юге и юго-востоке, так и на непуштунском севере и западе. Положение усугубляли трения между прозападно ориентированными пуштунами и влиятельной группировкой панджширцев или “северян” во властных структурах. Среди последних особняком держались узбекские представители, авторитетный провинциальный таджикский лидер М. Ата, губернатор Герата, бывший артиллерийский капитан Исмаил-хан, группировки хазарейцев-шиитов и т.д. Между ними стояли монархисты “римской группы” экс-короля. Свою собственную игру вели кандагарские, пактийские и другие пуштунские кланы...»<sup>2</sup>.

Уникальное родоплеменное государственное образование Афганистан всегда довольно условно признавало верховную власть – короля, президента, – ориентируясь на почти безраздельное доминирование повседневного права – на авторитет старейшин родов и племен, укоренившуюся в национальной памяти силу традиций. Наряду с ментальными различиями этнических и конфессиональных групп и связанными с этими различиями особенностями поведения, в том числе этикетного, есть и некий инвариант этого поведения, инвариант афганской ментальности. Основой его является понятие «адаб», происходящее из домусульманских традиций персоязычных афганских этносов (таджиков, хазарейцев и пуштунов). Известный кодекс «Пуштунвали», по сути, представляет

1 «Талибан» признан террористической организацией и запрещен на территории России.

2 Конаровский 2020, 58.

собой свод нравственно-этических, социально-правовых правил, а в некоторых случаях, как отмечает И.Е. Катков, и регулятор политизации. Важнейший из элементов «Пуштунвали» – бадал, обычай мести, воздаяния, возникший во времена, когда государство не могло защитить индивида, сохранил свое значение и, в определенной мере, способствовал независимости пуштунов от государственной правовой системы<sup>1</sup>.

На протяжении многих столетий мусульманское духовенство занимало важнейшие позиции в афганском обществе, являясь, по сути, первостепенным консолидирующим фактором. Традиция участия духовенства в политической жизни (и обязательного присутствия в политической идеологии религиозного компонента как доминирующего), заложенная в ходе англо-афганских войн, постепенно и привела, на наш взгляд, к формированию основ того фундаментализма, носители которого впоследствии всегда чрезвычайно быстро превращались в мощную и прекрасно организованную политическую силу. Англо-афганским войнам XIX–XX вв. предшествовала гражданская война 1818–1826 гг., в результате которой авторитет и, следовательно, реальная власть центрального правительства оказались сведены к минимуму. Традиционная раздробленность страны на вилоята, зачастую почти полностью независимые от кабульских эмиров, и общая внутренняя разобщенность афганского общества лишь усилились, лишив страну единого дееспособного руководства. В этих условиях мусульманская суннитская элита превратилась в единственный фактор, располагающий реальным властным потенциалом. Религиозные лидеры превратились в силу, способную организовать успешное противодействие любому центральному правительству. Высочайшую роль улемов в экономической, социальной и политической жизни страны отмечает еще Джамалутдин аль-Афгани в своей «Краткой истории афганцев» («Татма ал-баен фи тарих ал-афган»). Улемы, указывает он, особое влияние имели в традиционных сферах (религиозной, судебной, идейной и морально-нравственной). Даже шахи и эмиры не могли не считаться с их влиянием. Улемы были владельцами значительных земельных угодий; они иногда насильно захватывали земли соседей, используя для оправдания и обоснования этих действий свой религиозный авторитет<sup>2</sup>.

Представляется возможным сделать вывод о том, что именно войны XIX в. с Великобританией, вызвавшие бурную религиозную реакцию, послужили первопричиной усиления исламского консерватизма в Афганистане вплоть до текущих десятилетий XXI века. Ненависть ко всему, что связано с «неверными», породила острое неприятие подавляющей частью общества большинства привнесенных извне идей и основанных на них преобразований, которые неизменно наталкивались на мощнейшее сопротивление, имевшее, отметим это еще раз, обязательную религиозную подоплеку. Этот фактор неприятия обусловил неуспех преобразований как в 1980-х гг. с ориентацией на социалистическую модель, так и в первые десятилетия XXI в. по модели западной демократии. И в этом плане движение талибов – это еще и реванш консерватизма. Возникновение движения

1 Катков 1989, 39.

2 См.: Имомов 1983.



талибов является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа, это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и раннемодернистским укладами, в том числе – между городским урбанизированным и консервативным сельским населением. А высокий уровень лояльности к талибам со стороны афганцев может свидетельствовать о прочности существующих архаичных форм идентичности.

Фрагментированное состояние афганской идентичности во многом подкрепляется и ландшафтно-географической локализацией населения Афганистана, что способствует доминированию первичных форм групповой солидарности. Религиозные, языковые и культурные различия проходят не только по границам расселения этносов, но и внутри этнических групп. К примеру, среди хазарейцев есть шииты джафаритского мазхаба, но есть и крупные группы хазарейцев-исмаилитов. Основная часть пуштунов является приверженцами ханифитского мазхаба суннизма, но среди пуштунских племен существует раскол по причастности к разным суфийским тарикатам; есть и пуштунские племена, исповедующие шиизм. А есть еще и кочевники – «кучи», – обособленный образ жизни которых очень колоритно описывает М.А. Конаровский<sup>1</sup>.

«Беда в том, – резюмирует один из афганских визави М.А. Конаровского, – что вдали от родины мы всегда держимся вместе, доброжелательны и обаятельны. Однако дома нетерпимы, не умеем сосуществовать и договариваться, а объединяемся только перед лицом общей опасности, да и то ненадолго»<sup>2</sup>. Полевые наблюдения автора в различных регионах Афганистана подтверждают эту оценку. За пределами страны тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может назвать себя «афганцем», отталкиваясь от своей страновой идентичности. В подобной дихотомической ситуации нужно учитывать, что слово «афганец» (афгано) – синоним слова «пуштун» (пушту, пашто), но при нахождении вне своей страны работает именно гражданская самоидентификация. В самом Афганистане это практически исключено: человек назовет себя пуштуном, таджиком, узбеком или хазарейцем, апеллируя исключительно к идентичности этнической.

Эта двойственность усугубляется в диаспорах, где разного рода эмигрантские ассоциации уже устойчиво формируются по этническому признаку. Это относится не только и не просто к этнокультурным сообществам, но уже проецируется на сферу религии: во многих странах с крупными афганскими диаспорами существуют отдельно не только шиитские хазарейские мечети, но и пуштунские мечети, таджикские мечети, узбекские мечети и т.д. Формальное взаимодействие между этнически различными эмигрантскими афганскими группами происходит разве что в рамках мероприятий, организуемых посольствами Афганистана.

Этническая самоидентификация часто определяет и направления эмиграции: например, маловероятно встретить эмигранта – пуштуна или хазарейца – в Таджикистане. Хотя среди афганских эмигрантов в Пакистане или Иране можно встретить не только шиитов-хазарейцев, но также и пуштунов, таджиков,

1 Конаровский 2014, 41–44.

2 Ibid., 48.

узбеков, здесь определяющей является уже, помимо каких-либо практических обстоятельств, общемульманская общность. Однако эта конфессиональная общность свою объединительную функцию выполняет, как ни странно это может показаться, только локально, эпизодически, она не отменяет самого факта высочайшей фрагментации афганского общества. О чем свидетельствует и опыт «семи тысяч дней» афганской жизни и работы М.А. Конаровского.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Басов, В.В. Национальное и племенное в Афганистане: К пониманию невоенных истоков афганского кризиса: Сборник статей. М.: НИЦ ФСКН России, 2011. 353 с.

Basov, Vladimir V. *Nacional'noe i plemennoe v Afganistane: K ponimaniyu nevoennykh istokov afganskogo krizisa: Sbornik statej*. M.: NIC FSKN Rossii, 2011 [In Russian].

Гареев, М.А. Моя последняя война. М.: ИНСАН, 1996.

Gareev, Mahmut A. *Moja poslednjaja vojna*. M.: INSAN, 1996 [In Russian].

Гареев, М.А. Афганская страда. М.: ИНСАН, 1999.

Gareev, Mahmut A. *Afganskaja strada*. M.: INSAN, 1999 [In Russian].

Громов, Б.В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс, 1994. 352 с.

Gromov, Boris V. *Ogranichenyj kontingent*. M.: Progress, 1994 [In Russian].

Имомов, Ш. Некоторые черты мировоззрения Джамалуддина Афгани и общественная мысль Афганистана в начале XX в. // Ближний и Средний Восток: экономика и история / Под ред. Ю.В. Ганковского. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 142–152.

Imomov, Sh. "Nekotorye cherty mirovozzrenija Dzhamaluddina Afgani i obshhestvennaja mysl' Afganistana v nachale XX v." In *Blizhnij i Srednij Vostok: jekonomika i istorija*, edited by Ju.V. Gankovskij, 142–152. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1983 [In Russian].

Катков, И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1989. С. 39–57.

Katkov, I.E. "Social'nye aspekty plemennoj struktury pushtunov." In *Afganistan. Istorija, jekonomika, kul'tura. Sbornik statej*, edited by Ju.V. Gankovskij, 39–57. M.: Nauka, 1989 [In Russian].

Ляховский, А.А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль: Норд, 2004. 800 с.

Ljahovskij, Aleksandr A. *Tragedija i doblest' Afgana*. 2-e izd., pererab. i dop. Jaroslavl': Nord, 2004 [In Russian].

Пластун, В.Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: дневниковые записи и комментарии участника. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 756 с.

Plastun, Vladimir N. *Iznanka afganskoj vojny 1979–1989 gg.: dnevnikovyje zapisi i kommentarii uchastnika*. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2016 [In Russian].

Слинкин, М.Ф. Афганские встречи и беседы. М.: Издательство МБА, 2019.

Slinkin, Mihail F. *Afganskije vstrechi i besedy*. M.: Izdatel'stvo MBA, 2019 [In Russian].

Спольников, В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. 192 с.

Spol'nikov, Viktor N. *Afganistan. Islamskaja oppozicija. Istoki i celi*. M.: Nauka, 1990 [In Russian].

## Сведения об авторе

Александр Алексеевич Князев,

ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований

Института международных исследований МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

## Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 января 2024.

Переработана: 5 февраля 2024.

Принята к публикации: 14 февраля 2024.

## Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

## Цитирование

Князев, А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 210–218.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>



**Author**

*Alexander Al. Knyazev,*  
Leading Researcher, Center for Euroasian Studies,  
Institute for International Studies, MGIMO University  
76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia, 119454  
**e-mail:** a.knyazev@inno.mgimo.ru

**Additional information**

Received: January 22, 2024. Revised: February 5, 2024. Accepted: February 14, 2024.

**Disclosure statement**

No potential conflict of interest was reported by the author.

**For citation**

Knyazev, Alexander Al. "Afghan Identity: Prospects for Defragmentation."  
*Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 210–218.  
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>